

Читайте в серии:

Кости в стене

Проклятый клад

*Продолжение следует...*

СЪЮЗЕН МАККОЛИ

КОСТИ  
В СТЕНЕ



Москва  
2025

УДК 821.111-93(73)  
ББК 84(7Coe)-44  
М15

Susan McCauley

GHOST HUNTERS: BONES IN THE WALL

Text Copyright © 2020 Susan McCauley.  
Original English language edition published by Celtic Sea,  
LLC Susan McCauley, 6046 FM 2920 #713, Spring Texas  
77379, USA. Arranged via Licensor's Agent: DropCap Inc.  
All rights reserved.

Иллюстрация на обложку от *mooncrate*

**МакКоли, Сьюзен.**

М15 Кости в стене / Сьюзен МакКоли ; [перевод с английского И. К. Уразаевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Бюро Паранормальных Расследований).

ISBN 978-5-04-179624-2

Алекс Ленард — успешный атлет. Но все меняется, когда мальчик попадает в аварию прямо перед чемпионатом. Из-за травмы он больше не может заниматься спортом, но получил редкую возможность видеть призраков. И не только видеть, но и общаться с ними.

Все, чего хочет Алекс, — быть нормальным. Но дух старушки в его доме, призрак уборщика в школе и неуспокоенная душа убийцы в старинном особняке не позволяют ему стать обычным школьником. Алекс слышит голос девушки, которая умоляет о помощи и боится «Его». Мальчик со своим лучшим другом и сестрой — охотницей на привидений должен разгадать тайну костей в стене и упокоить дух убийцы, пока сам не разделит печальную судьбу девушки.

УДК 821.111-93(73)  
ББК 84(7Coe)-44

© Уразаева И., перевод на русский язык,  
2024  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-179624-2

*Моему Алексу: будь счастлив  
и всегда следуй зову сердца.*







## Глава первая

**Б**елёсый утренний туман укутал поле, как паутина. Я нетерпеливо переминался с ноги на ногу в ожидании мяча. Краем глаза я заметил, как он пронёсся мимо: вихрящиеся символы, удерживающие полтергейста внутри, вспыхнули золотом. Мяч вильнул вправо, затем сразу влево. Я бросился за ним, едва осознавая, что половина школы выкрикивает моё имя с трибун, и где-то там, среди болельщиков, моя мама. Если я забью этот мяч, моя команда выигрывает плей-офф<sup>1</sup>, и мы поедem на чемпионат штата!

---

<sup>1</sup>Плей-офф, или олимпийская система — это система проведения турнира. Победитель проходит в следующую стадию, проигравший вылетает.

Сейчас или никогда!

Я подбежал к дрожащему от нетерпения мячу и со всей силы ударил по нему ногой. У полтергейста, запертого внутри, просто не было шанса увернуться. Широко улыбаясь, я наблюдал, как мяч взмыл в воздух и полетел напрямик в ворота на противоположном конце поля.

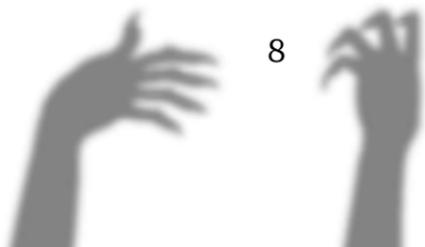
Трибуны взорвались восторженными криками, и не успел я восстановить дыхание, как мой лучший друг и товарищ по команде, Джейсон, вскочил со скамейки запасных и бросился на поле в гущу игроков. Вместе они подняли меня в воздух. Я забил гол, и мы выиграли матч! Плей-офф — наш, и на следующей неделе мы сыграем на чемпионате Луизианы по духоболу!

Издав победный крик, я вскинул кулак над головой. Я стал первым шестиклассником в своей школе, забившим решающий гол и подарившим своей команде возможность выступить на чемпионате.

Наш капитан, Томми Лорд, и остальные ребята из команды обступили меня со всех сторон:

— Алекс! Алекс! Алекс! — дружно скандировали они. Словно стая беснующихся банши вырвалась на поле.

— Ты был великолепен, Лекс! — Джейсон сгрёб меня в объятия и потрепал по спине. Я рассмеялся и в ответ потянул его за футболку с эм-



блемой духобола, радуясь, что он стал частью команды и нашей общей победы. Единственная причина, по которой Джейсон вообще оказался в команде, — это я. Втайне от всех он ненавидел духобол и болел только за сборную своей родины — Ямайки. Я улыбался так широко, что казалось, будто моё лицо вот-вот расколется на две половинки.

— Отличная работа, чемпион! — мама чмокнула меня в макушку, прежде чем я успел её остановить. Ничего, один быстрый поцелуй не навредит моей репутации. Мы победили! Что может быть лучше? Она крепко обняла меня:

— Я так горжусь тобой.

— Спасибо! — по-прежнему улыбаясь, я огляделся, и моё сердце ухнуло куда-то вниз. — А где папа?

Мамина улыбка дрогнула, но удержалась на губах:

— Его срочно вызвали показать покупателю помещение. Но ты не волнуйся. Он обязательно придёт посмотреть чемпионат.

Конечно. Пропускать важные события — это так в его духе. И ради чего? Ради дурацкой продажи недвижимости. В груди засадило. Усилием воли я отогнал подальше неприятные мысли и сосредоточился на людях вокруг, всё ещё скандирующих моё имя. На тех, кто действительно

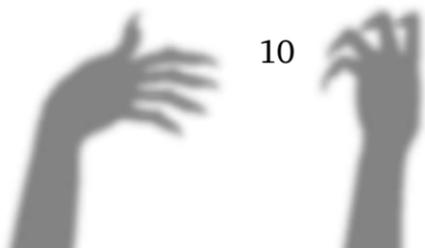
был мне дорог. Стараясь вложить в голос как можно больше бодрости, я обнял маму и Джейсона:

— Я рад, что вы все здесь!



Прошла неделя, и настало время чемпионата... Но сначала мне нужно было обновить все обереги в своей комнате. Обереги — это такие защитные знаки, не пускающие призраков внутрь. Если бы я их не обновил, мама бы ни за что не отпустила меня на игру. Просто представьте, что бы случилось, если бы духи проникли в дом, пока нас нет. Она бы точно запретила мне играть до конца моих дней, и моя жизнь была бы кончена!

Я выдавил немного белой краски на пентакль на окне моей спальни и тщательно обвёл пятиконечную звезду, убедившись, что каждый её луч касается круга, под конец я повесил на гвоздик в стене Печать Соломона. Идеально. Мимо такой защиты ни один призрак не проскользнёт! Люди вынуждены пользоваться магическими символами — сигилами, чтобы защищать свои дома, иначе злые духи могут проникнуть внутрь и устроить полнейший хаос.



Я натянул форму, подхватил бутсы и сумку и направился к машине.

Мама уже ждала меня с ключами в руках:

— Готов к большой игре, чемпион?

— Конечно! — я забросил на заднее сиденье сумку и себя следом за ней. Лучшего завершения шестого класса и не придумаешь.

— А обереги и сцилы обновил? — спросила мама, поправляя зеркало заднего вида. Затем она проверила Третий пентакль Юпитера на крыше нашего универсала, а также прочие защитные знаки, которые она нарисовала в дополнение к заводским. Печати Соломона и обереги вырезали на всех стёклах в каждом автомобиле, как только он сходил с конвейера. Но, как историк оккультизма, она привыкла перестраховываться.

— Мааам, — я закатил глаза и почесал шею там, где у основания черепа притаился миниатюрный Третий пентакль Юпитера. Татуировка с этим сцилом есть у всех, её наносят вскоре после рождения и крещения. Моя всегда зудит, когда я нервничаю. Пока я был совсем маленьким, родители беспокоились, что я войду в те четыре процента населения, у которых проявляются экстрасенсорные способности, и меня придётся отдать в ученики какому-нибудь экстрасенсу, который живёт далеко-далеко, чтобы

я мог научиться защищать Нетронутых (тех, кто не видит и не слышит призраков). К счастью, этого не произошло. Более Нетронутого, чем я, днём с огнём не сыщешь. — Моя комната и бутсы в полном порядке. Сигилы даже не стёрлись.

Мама бросила на меня взгляд через зеркало:

— Я всё никак в толк не возьму, что тебе этот духобол... Может, на следующий год попробуешь обычный футбол?

— Мам... — Я откинулся на сиденье и пристегнул ремень безопасности. — Футбол — это скучно. Духобол гораздо увлекательнее. Мяч в футболе приходится пинать, чтобы он летел туда, куда тебе нужно, а в духоболе никогда не знаешь, куда он полетит сам по себе.

Я понимал, что её на самом деле беспокоило. Она хотела знать, почему меня так тянет к этой «опасной» игре, в которой полтергейст может вырваться из мяча, стоит повредиться защитным символам. Она доставала меня этим сотни тысяч раз в неделю, что было просто безумием, потому что если бы такое случилось — а это ОЧЕНЬ маловероятно, — то наш командный экстрасенс легко бы с этим разобрался.

— Просто мне не нравится такой спорт... — пробурчала она. Перевожу: я выиграл. Пере-

живать из-за такого пустяка было глупо, и она это знала. Полтергейсты — неприятные духи, но они никогда не жили. Это не то же самое, что душа человека. Мама нажала кнопку на пульте, и дверь гаража со скрипом поползла вверх, открывая нашему взору серое небо. — Отец с утра показывает дом, но он пообещал встретиться с нами на стадионе.

Я сжал кулаки так, что ногти больно впились в ладонь, оставляя маленькие серповидные отпечатки. Да, конечно. Типичный папа.

Мы ехали по нашей улочке в молчании, наблюдая, как привычный утренний туман потихоньку развеивается над извиистой гладью Миссисипи. Мама вырулила на шоссе и ахнула.

В зеркале заднего вида я увидел, как расширились её глаза.

Она ударила по тормозам. Машина вильнула, и ремень безопасности больно врезался мне в грудь. Раздался пронзительный скрежет металла, затем гудок, и следом — оглушительный взрыв стекла. Осколки разлетелись во все стороны. Сердце рванулось в горло и задушило мой крик.

Звук и движение слились воедино.

Дверь рядом со мной смялась и с хрустом впечаталась мне в бедро. Жгучая боль пронзила ногу, и я провалился в темноту.



Первое, что я услышал, очнувшись, — ритмичный писк. Нога сразу же запульсировала, словно отбойный молоток. Я попытался пошевелить пальцами ног, но не смог. Глаза слипались, но открывать их мне всё равно не хотелось. Каждая моя клеточка утопала в боли, словно все кости в теле полностью переломали.

Кто-то сжал мою ладонь. Ладно, возможно, рука ещё цела. Я разлепил веки и посмотрел вверх.

— Мама? — прохрипел я.

Она сидела рядом и держала меня за руку, встревоженная, но невредимая:

— Я здесь.

Моя нога, зафиксированная гипсом, висела на каком-то ремне, прикреплённом к больничной койке. К моему телу тянулось множество трубок и проводов. Слёзы текли по моим щекам:

— Я больше не смогу играть в духобол.

Вот и всё, что я смог сказать. Внутри меня боролись страх и гнев. Как это произошло? За что?

Но мама только сильнее сжала мою ладонь. Вместо привычной улыбки, которую она всегда дарила мне, когда я болел, я увидел на её лице печаль:



— Ты жив. И ты поправишься. Остальное неважно.

Она вложила в мою ладонь что-то прохладное и гладкое. Это был Назар Бонджук, её амулет, яркий сине-белый стеклянный глаз, защищающий от зла. Она привезла его из Турции с одной из конференций, посвящённых исследованию истории оккультизма, и с тех пор никогда не снимала.

— Тебе это нужно больше, чем мне.

— Но зачем? В больницах полно сигиллов, — Усилием воли я заставил себя немного приподняться.

Её шея, обычно украшенная блестящим Назаром, теперь выглядела бледной и уязвимой. Мама бросила взгляд на широко распахнутую дверь в палату и затем снова посмотрела на меня:

— Я должна идти. И я люблю тебя, помни об этом.

В последний раз сжав мои пальцы, она встала и вышла за дверь.

Сердце часто забило где-то в районе горла. Почему она оставила меня здесь? Одного? В таком состоянии? И почему, во имя Соломона, отдала мне свой амулет? По телу пробежала новая волна боли, и я откинулся на жёсткую больничную койку, вдыхая тошнотворный запах антисептика.